

Школа Робинзонов. Клодиус Бомбарнак

Годфри Морган больше всего на свете мечтает отправиться в путешествие. Но его богатый и расчетливый дядя, мистер Кольдеруп, считает, что все это несерьезно и что молодому человеку пора подумать о женитьбе. Упрямый Годфри готов принять условие дяди, но перед этим он все же хочет совершить кругосветное путешествие. Мистер Кольдеруп соглашается на эту авантюру. Ведь он знает, что такое приключение навсегда изменит легкомысленного юношу... («Школа Робинзонов»)

Журналист Клодиус Бомбарнак получает необычное редакционное задание. Ему предстоит описать собственное путешествие по большой Трансазиатской магистрали, от Узун-Ада до Пекина. Дорога непредсказуема и полна неожиданных встреч. Много интересного поведают ему странный торговец зубами, немецкий барон Вейсшнитцердерфер, пытающийся побить мировой рекорд скорости путешествия вокруг света за 39 дней, безбилетный влюбленный румын Кинко, путешествующий в ящике, и другие необычные попутчики... (Клодиус Бомбарнак)

ЖЮЛЬ ВЕРН

ШКОЛА РОБИНЗОНОВ
КЛОДИУС БОМБАРНАК

ЖЮЛЬ ВЕРН

ШКОЛА РОБИНЗОНОВ

КЛОДИУС БОМБАРНАК

Романы

ХАРЬКОВ **КЛУБ** СЕМЕЙНОГО
2020 **ДОСУГА**

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2020

ISBN 978-617-12-8073-1 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Перевод с французского *Е. П. Брандиса, Н. М. Брандис*

Дизайнер обложки *Евгений Вдовиченко*

Верн Ж.

В35 Школа Робинзонов. Клодиус Бомбарнак : романы / Жюль Верн ; пер. с фр. Е. П. Брандиса, Н. М. Брандис. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 384 с. — (Серия «Жюль Верн», ISBN 978-617-12-7086-2)

ISBN 978-617-12-7670-3

УДК 821.133.1

© Брандис Н. М., наследники, перевод на русский язык, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

Школа Робинзонов

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой читатель, если захочет, сможет купить по случаю остров в Тихом океане

— Продается остров, за наличные! Издержки за счет покупателя! Достанется тому, кто даст больше! — выкрикивал, не переводя дыхания, Дин Фелпорг, оценщик на аукционе, где обсуждались условия этой странной продажи.

— Продается остров! Продается остров! — еще громче подхватывал его помощник, Джинграс, расхаживая взад и вперед по битком набитому залу.

Действительно, в большом аукционном зале, в доме № 10 по улице Сакраменто, народу собралось видимо-невидимо. В этой возбужденной толпе были не только американцы из штатов Калифорния, Орегон и Юта, но и некоторые из тех французов, что составляют добрую шестую часть населения этих мест, и мексиканцы, завернутые в свои сарапы, и китайцы в халатах с широкими рукавами, в башмаках с заостренными носами, с конусообразными шляпами на голове, и канаки с островов Океании, даже несколько индейцев с острова Тринидад.

Поспешим добавить, что сцена эта происходила в Сан-Франциско, столице Калифорнии, но не в 1849–1852 годах — пору открытия золотых россыпей, привлекавших сюда золотоискателей обоих полушарий, а значительно позднее, когда он перестал уже быть караван-сараем, пристанью, где могли найти приют на одну ночь всякие авантюристы, стекавшиеся со всех концов света на золотоносные земли к западному склону Сьерра-Невады.

Не прошло и двадцати лет с тех пор, как на месте никому не известной Йерба-Буэны вырос этот единственный в своем роде город с его стотысячным населением, построенный на склоне двух холмов (не хватило места на морском побережье), город, затмивший Лиму, Сантьяго, Вальпараисо, а также всех соперников в Западной Америке, город, превращенный американцами в звезду Тихого океана, в «славу Западного побережья».

В день аукциона — 15 мая — было еще холодно. В этой стране, непосредственно подверженной влиянию полярных течений, первые недели мая скорее напоминают конец марта в Средней Европе. Однако в аукционном зале на холод жаловаться не приходилось. Колокольчик своим непрерывным звоном привлекал все новые и новые толпы людей, и там стояла такая жара, что на лицах присутствующих выступали крупные капли пота.

Только не подумайте, что все, толпившиеся в зале аукциона, пришли сюда с целью совершить покупку. Больше того, не будет преувеличением, что там были одни любопытные. И в самом деле, какой чудак, будь он даже богат, как Крез, захотел бы купить остров в Тихом океане, по безумной затее правительства ставший предметом торгов? Поговаривали, что никто не даст назначенную цену, что не найдется любителя, который позволит втянуть себя в игру на повышение. Однако в этом нельзя было обвинить оценщика Фелпорга и его помощника Джинграса, которые с помощью жестов, восклицаний и неумеренных похвал пытались завлечь покупателей.

Кругом смеялись, но никто не двигался с места.

— Остров! Продается остров! — повторял Джинграс.

— Продается, но не покупается, — заметил какой-то ирландец, карман которого не был отягощен даже мелочью.

— Остров, земля которого обойдется дешевле шести долларов за акр! — выкрикивал оценщик Дин Фелпорг.

— Но который не принесет и цента на доллар, — возразил толстый фермер, как видно, большой знаток сельского хозяйства.

— Остров не менее шестидесяти четырех миль в окружности, а площадью двести двадцать пять тысяч акров!

— Достаточно ли устойчиво его основание? — спросил мексиканец, старый завсегда́тай баров, чья устойчивость в данную минуту была более чем сомнительна.

— Остров с девственными лесами, с лугами, холмами и реками, — не унимался оценщик.

— С гарантией? — спросил какой-то француз, видимо, не очень склонный поддаться на приманку.

— Вот именно, с гарантией, — ответил Фелпорг, слишком привыкший к своей профессии, чтобы обращать внимание на насмешки публики.

— На два года?

— До конца дней.

— И даже больше?

— Остров в полную собственность! — выкрикивал аукционист. — Остров, где нет ни вредных животных, ни хищных зверей, ни пресмыкающихся...

— И пляж? — спросил какой-то весельчак.

— И нет насекомых? — задал вопрос другой.

— Предлагаем остров! — снова завелся Дин Фелпорг. — Ну-ка, граждане! Давайте раскошелитесь! Кто хочет получить во владение остров? Остров в прекрасном состоянии! Кому остров? Остров в Тихом океане, этом океане из океанов! Продается за бесценок! Всего лишь миллион сто тысяч долларов! Кто покупает? Кто хочет сказать свое слово? Это вы, сударь? Или вы? Что же вы качаете головой, как фарфоровый мандарин? Предлагаю остров! Есть остров! Кому остров!

— Позвольте взглянуть! — крикнул кто-то из толпы, словно речь шла о картине или китайской вазе.

В зале раздался дружный хохот, но никто не прибавил и полдоллара сверх назначенной цены.

Однако если невозможно было взглянуть на сам остров, то план его был вывешен для всеобщего обозрения. Продавался не кот в мешке. Любители могли увидеть, что представляет собой этот идущий с молотка кусок земли. Никаких неожиданностей, никакого разочарования опасаться не следовало. Географические очертания, местоположение, рельеф, водную систему, климат, средства сообщения — все это легко было выяснить заранее. Можете мне поверить, тут не было никакого подвоха! Кроме того, журналы и газеты Соединенных Штатов, а особенно Калифорнии, выходящие ежедневно, дважды в неделю, еженедельно, два раза в месяц и ежемесячно, вот уж почти полгода привлекали внимание публики к этому острову, продажа которого с аукциона была утверждена конгрессом.

Речь шла об острове Спенсер, лежащем к западу-юго-западу от Сан-Франциско, в четырехстах шестидесяти милях от калифорнийского берега, под 32°15' северной широты и 142°18' западной долготы по Гринвичу.

Хотя остров Спенсер и был расположен довольно близко от побережья и даже, можно сказать, находился в американских водах, трудно представить себе место более уединенное, более изолированное от всяких пассажирских и товарных морских путей. Постоянные морские течения, отклоняясь к северу или югу, образовали вокруг него нечто вроде озера с тихими водами, иногда обозначаемого на карте как «Глубина Флерье».

В центре этого бассейна и лежал остров Спенсер. Редко-редко проходило мимо него какое-нибудь судно. Главные тихоокеанские пути, связывающие Новый Свет со Старым — будь то Япония или Китай, — лежат гораздо южнее. Парусные суда встретили бы здесь полный штиль, а паровым не было никакого смысла бороздить эти воды. Итак, ни те ни другие близ острова Спенсер почти никогда не показывались, и он возвышался среди моря подобно одинокой вершине, которыми увенчиваются в Тихом океане многие подводные скалы.

Правда, для человека, уставшего от городского шума, мечтающего о покое, что может быть лучше этой «Исландии», затерянной в нескольких сотнях лье от берега! Идеал для добровольного Робинзона! Но за этот идеал нужно было выложить кругленькую сумму!

Почему же, однако, Соединенные Штаты захотели отделаться от этого острова? Не было ли это вздорной фантазией? Нет, большая нация не может поддаваться капризам, как какое-нибудь частное лицо. Истинная причина заключалась в следующем: остров Спенсер давно уже стал совершенно бесполезным. Колонизовать его не имело смысла — все равно никто бы там не поселился. И с военной точки зрения он не представлял интереса, так как господствовал над абсолютно пустынной частью Тихого океана. Что же касается интересов коммерческих, то и здесь от него не было бы никакого проку. Продукция острова не оправдала бы фрахтовых издержек по ввозу и вывозу. Устроить там исправительную колонию? Для этого остров находился слишком близко от берега. Занять же его просто так было бы слишком дорогим удовольствием.

С незапамятных времен остров Спенсер оставался необитаемым, и конгресс, состоявший из людей «в высшей степени практичных»,

принял решение продать его с аукциона, но только с условием, чтобы покупатель был гражданином свободной Америки.

Однако дешево отдавать остров государство не хотело. Была назначена сумма в миллион сто тысяч долларов, которая для какой-нибудь акционерной компании представляла бы сущую безделицу.

Такая компания могла бы обеспечить акциями покупку и эксплуатацию острова, но только в том случае, если бы знала, что сможет извлечь из него хоть какую-нибудь выгоду. Однако, как мы уже говорили, никакой выгоды здесь ожидать не приходилось, и деловые люди обращали на остров Спенсер не больше внимания, чем на какой-нибудь айсберг в полярных морях. Для частного лица эта сумма была достаточно высокой. Нужно было обладать крупным состоянием, чтобы позволить себе роскошь так дорого заплатить за причуду, которая в лучшем случае не принесла бы и одного процента прибыли.

Остров продавался только за наличные, а известно, что даже в Соединенных Штатах найдется немного людей, которые не раздумывая могут бросить на ветер миллион сто тысяч долларов без всякой надежды получить с них прибыль.

Итак, конгресс твердо решил не уступать. Один миллион сто тысяч долларов! Ни цента меньше! Пусть уж лучше остров Спенсер останется тогда собственностью государства!

При этом условии заранее можно было предположить, что вряд ли найдется безумец, который пойдет на такую авантюру.

Кроме того, было оговорено, что человек, купивший остров Спенсер, получит не права суверена, а только президента, что он не сможет, подобно королю, иметь подданных. Сограждане будут выбирать его как президента республики на определенный срок, а затем переизбирать снова. И так будет продолжаться до конца его дней. Во всяком случае он, при всем желании, не сможет стать родоначальником династии. Соединенные Штаты никогда не согласились бы на образование в американских водах королевства, каким бы маленьким оно ни было.

Очевидно, эта оговорка была предусмотрена с целью устранения от торгов какого-нибудь честолюбивого миллионера или лишеного власти набоба, если бы тому захотелось соперничать с туземными правителями Сандвичевых¹ или Маркизских островов, Паумоту² или других архипелагов Тихого океана.

Короче говоря, по той или иной причине, но покупатель не объявлялся. Время шло. Оценщик надрывался, пытаясь добиться надбавки. Помощник тоже кричал что было мочи, но никто из присутствующих даже не кивнул головой, — жест, который эти прожженные аукционисты не преминули бы заметить, — и о цене тем более никто не заикался.

Надо сказать, что если молоток Фелпорга неумоимо поднимался над конторкой, то и собравшимся не лень было ждать. Со всех сторон доносились насмешливые возгласы и довольно плоские шутки. Одни предлагали за остров два доллара вместе с издержками. Другие требовали возмещения расходов по покупке.

Дин Фелпорг продолжал выкрикивать:

— Продается остров! Продается остров!

Но покупателя все не находилось.

— А вы гарантируете, что там есть золотоносные жилы? — спросил лавочник Стемпи с Мерчент-стрит.

— Нет, — ответил аукционист. — Но если они там окажутся, государство предоставляет владельцу все права на эти участки.

— А есть ли там по крайней мере вулкан? — спросил Окхерст, трактирщик с улицы Монтгомери.

— Вулкана там нет, — ответил Дин Фелпорг. — Иначе остров стоил бы дороже.

Эти слова были встречены громким смехом.

— Остров продается! Продается остров! — понапрасну надрывался оценщик.

— Только один доллар, только полдоллара надбавки, и он будет ваш!.. Раз... Два...

Но никто не отзывался.

— Если не найдется желающий, торги будут сейчас же прекращены. Раз... Два...

— Миллион двести тысяч долларов!

Эти четыре слова прогремели в зале, как четыре револьверных выстрела.

Толпа на мгновение смолкла. Все повернули головы, чтобы взглянуть на смельчака, отважившегося назвать такую цифру.

Это был Уильям Кольдеруп из Сан-Франциско.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой Уильям Кольдеруп из Сан-Франциско состязается с Таскинармом из Стоктона

Жил на свете поразительно богатый человек, ворочавший миллионами долларов с такой же легкостью, как другие тысячами. Звали его Уильям Кольдеруп.

Ходили слухи, что он даже богаче самого герцога Вестминстерского, чей годовой доход достигает восьмисот тысяч фунтов и который в состоянии тратить пятьдесят тысяч франков ежедневно, иначе говоря, тридцать шесть франков в минуту. Поговаривали, что он богаче сенатора Джона из Невады, владельца тридцатипятимиллионной ренты, богаче Мак-Кея, получающего от своего капитала два миллиона семьсот семь тысяч восемьсот франков в час, или два франка и несколько сантимов в минуту.

Нечего уж говорить ни о таких мелких миллионерах, как Ротшильд, Вандербильт, герцог Нортумберлендский или Стюарт, ни о директорах мощного калифорнийского банка и других капиталистах Старого и Нового Света, которым Уильям Кольдеруп мог бы подавать милостыню. Ему легче было бросить на ветер миллион, чем нам с вами каких-нибудь сто су.

Этот ловкий делец положил начало своему сказочному состоянию эксплуатацией золотых россыпей в Калифорнии в качестве главного компаньона швейцарского капитана Зуттера, на чьей земле в 1848 году была открыта первая золотоносная жила. Смело бросаясь в торговые и коммерческие авантюры, Кольдеруп, благодаря смекалке и везению, вскоре становится соучастником чуть ли не всех крупных предприятий Старого и Нового Света. На его неистощимые средства были построены сотни заводов, продукция которых экспортировалась на его же кораблях во все части света. Богатство Кольдерупа возрастало не в арифметической, а в геометрической прогрессии. Говорили, что он из тех миллиардеров, которые даже не могут сосчитать свой капитал. На самом же деле он знал, чем располагает, с точностью до одного доллара, только, в отличие от других, не кичился своим богатством.

В то время, когда мы представили его читателям, Уильям Кольдеруп был владельцем двух тысяч торговых контор, учрежденных чуть ли не во всех странах мира, флотилии из пятисот кораблей, беспрестанно

бороздивших моря для его вящей выгоды. У него было сорок тысяч конторских служащих, триста тысяч корреспондентов, и на одни только марки и почтовые расходы он тратил не меньше миллиона в год.

Короче говоря, он выделялся своим богатством среди всех богачей Фриско — так американцы фамильярно называют столицу Калифорнии.

Надбавка, сделанная Уильямом Кольдерупом, была очень значительной. И вот, когда присутствовавшим на аукционе стало известно имя того, кто только что накинул к цене на остров Спенсер сто тысяч долларов, по залу пронесся трепет. Шуточки мгновенно прекратились. Вместо насмешек слышались восторженные возгласы, раздались крики «ура».

Затем воцарилась тишина. Толпа замерла. Никому не хотелось упустить ни малейших подробностей волнующей сцены, которая могла бы разыграться, если бы кто-нибудь отважился вступить в борьбу с Уильямом Кольдерупом.

Но могло ли такое случиться?

Нет! Стоило только взглянуть на Кольдерупа, чтобы убедиться, что он никогда не отступит от принятого решения, особенно если дело касается его финансовой репутации.

Это был высокий сильный человек с крупной головой, широкими плечами и массивным телосложением. Ни перед кем он не опускал своего решительного взгляда. Его седеющая шевелюра была такой же пышной, как и в юные годы. Прямые линии носа образовывали геометрически очерченный треугольник. Усы он сбрасывал. Подстриженная на американский манер борода с проседью, очень густая на подбородке, доходила до уголков губ, а затем тянулась к вискам, переходя в бакенбарды. Ровные белые зубы симметрично окаймлял тонко очерченный, в ту минуту сжатый рот. Ничего не скажешь — голова командора, готового противостоять любой буре. В разыгравшейся битве на повышение каждое движение этого человека, малейший кивок головы могли означать надбавку в сто тысяч долларов.

Бороться с ним было невозможно.

— Миллион двести тысяч долларов! Миллион двести тысяч долларов! — выкрикивал Дин Фелпорг, и в голосе его чувствовалось

удовлетворение профессионала, почувствовавшего наконец, что старается он не напрасно.

— Есть покупатель за миллион двести тысяч долларов! — повторял за ним Джинграс.

— Теперь можно набавлять без страха, — пробормотал трактирщик Окхерст, — все равно Кольдеруп не уступит.

На него зашикали. Раз уже дошло до надбавок, нужно было соблюдать тишину. Все боялись пропустить какую-нибудь захватывающую подробность. Сердца присутствовавших учащенно бились. Осмелится ли кто-нибудь выступить против Уильяма Кольдерупа? А тот стоял с гордым видом, не шелохнувшись, и был так спокоен, будто дело его и не касалось. Только находившиеся рядом с ним могли заметить, что глаза его метали искры, как два пистолета, заряженные долларами и готовые в любой момент выстрелить.

— Никто не дает больше? — крикнул Дин Фелпорг.

Все молчали.

— Раз!.. Два!..

— Раз!.. Два!.. — повторял за ним Джинграс, привыкший к этому диалогу с оценщиком.

— Я присуждаю...

— Мы присуждаем...

— За миллион двести тысяч долларов!

— Все видели?.. Все слышали?..

— Никто потом не будет раскаиваться?

— Остров Спенсер за миллион двести тысяч долларов!

Волнение публики возрастало. Неужели в самую последнюю минуту кто-нибудь решится набавить?

Дин Фелпорг, вытянув правую руку над столом, размахивал молотком из слоновой кости. Один удар, один-единственный удар, и остров будет продан.

Даже при учинении самосуда, который именуется в Америке судом Линча, толпа не могла быть более возбужденной.

Молоток медленно опустился, почти коснувшись стола, поднялся снова, несколько мгновений трепетал в воздухе, как рапира в руках фехтовальщика, готового сделать неотразимый выпад, потом быстро опустился.

— Миллион триста тысяч долларов!

Раздался единодушный возглас удивления, а вслед за ним — крики ликования. Желаящий сделать надбавку все-таки нашелся!

Итак, состязание продолжается.

Но кто же был этот смельчак, вступивший в поединок за доллары с самим Уильямом Кольдерупом из Сан-Франциско?

Им оказался Таскинар из Стоктона.

Таскинар был не только богат, но к тому же еще и очень толст. Он весил около двухсот килограммов и если на последнем конкурсе толстяков завоевал только вторую премию, то лишь потому, что ему не дали закончить обед, и он потерял в весе не менее пяти килограммов.

Этот колосс, который мог сидеть только на специально сделанном для него стуле, жил в Стоктоне на улице Сан-Иохим. Стоктон — один из значительных городов Калифорнии, один из центров, куда свозится добыча с рудников Юга, тогда как в соперничающем с ним Сакраменто сосредоточена продукция рудников Севера. В этом же городе производится самая крупная погрузка на суда калифорнийского хлеба.

Свое огромное состояние Таскинар нажил не только эксплуатацией рудников и торговлей хлебом. Помимо этого он был азартным, притом удачливым игроком в покер, заменяющим в Соединенных Штатах рулетку. Таскинар был богат, но хорошими человеческими качествами не отличался, и его, не в пример Кольдерупу, никто не назвал бы почтенным коммерсантом. Однако, что бывает нередко, злословили о нем больше, чем он того заслуживал. Впрочем, слухи о том, что Таскинар при малейшем поводе не постесняется пустить в ход «дерринджер» — так называется калифорнийский револьвер, — вовсе не были преувеличенными.

Таскинар ненавидел Уильяма Кольдерупа. Он завидовал его состоянию, положению, репутации. Он презирал его так, как только может толстяк презирать тощего. И не впервые коммерсант из Стоктона пытался из чувства соперничества взять верх над богачом из Сан-Франциско, если это даже шло в ущерб его выгоде. Уильям Кольдеруп прекрасно это знал и всякий раз при встрече выказывал достаточно пренебрежения, чтобы вывести из себя соперника.

Особенно Таскинар не мог простить своему конкуренту последнего успеха, когда тот буквально разбил его на выборах. Несмотря на все усилия, угрозы, клевету — не говоря уже о тысячах долларов,

напрасно истраченных им на предвыборных маклеров, — в Законодательном совете Сакраменто сидел не он, Таскинар, а Уильям Кольдеруп.

И вот Таскинару удалось пронюхать, что Уильям Кольдеруп задумал приобрести остров Спенсер. По правде сказать, остров этот был ему так же не нужен, как и его сопернику. Но это не имело значения. Представлялся новый случай вступить в борьбу, сразиться, а может быть, и победить. Такого шанса Таскинар упустить не мог.

Потому он и оказался в то утро в зале аукциона, замешавшись в толпе любопытных. Почему же Таскинар так долго собирался? Почему не вступал в борьбу, а выжидал, пока соперник не увеличит и без того высокую цену?

И только в ту минуту, когда Уильям Кольдеруп мог уже считать себя обладателем острова, Таскинар выкрикнул оглушительным голосом:

— Миллион триста тысяч долларов!

Все обернулись. Раздались голоса:

— Толстяк Таскинар!

И это имя переходило из уст в уста.

Еще бы! Ведь толстяк Таскинар был известной персоной. Его комплекция дала пищу не одной газетной статье! Какой-то математик даже доказал с помощью дифференциальных вычислений, что масса Таскинара оказывала заметное влияние на массу спутника Земли и даже значительно нарушала лунную орбиту.

Но не комплекция Таскинара в этот момент интересовала собравшихся на аукционе. Все были взбудоражены тем, что он вступил в открытую борьбу с Уильямом Кольдерупом. Это была решительная схватка, битва, движимая долларами, и трудно было предугадать, на который из этих двух денежных мешков стоило ставить любителям пари. Оба соперника чертовски богаты, и это был уже вопрос самолюбия.

После первого волнения в зале снова наступила такая тишина, что можно было услышать, как паук ткет свою паутину. Тягостное молчание нарушил голос Дина Фелпорга:

— Миллион триста тысяч долларов за остров Спенсер! — крикнул он, вставая, чтобы лучше следить за игрой на повышение.

Уильям Кольдеруп повернулся в сторону Таскинара. Все расступились, чтобы освободить место соперникам. Богач из Сан-

Франциско и богач из Стоктона могли сколько угодно смотреть друг на друга. Однако справедливость заставляет нас заметить, что ни один из них не согласился бы первым опустить глаза.

— Миллион четыреста тысяч! — сказал Кольдеруп.

— Миллион пятьсот тысяч! — произнес в ответ Таскинар.

— Миллион шестьсот тысяч долларов!..

— Миллион семьсот тысяч долларов!..

Не походило ли это на историю с двумя капиталистами из Глазго, соревновавшимися из-за того, чья заводская труба будет выше, рискуя даже навлечь этим катастрофу? Только в данном случае трубы состояли из золотых слитков.

Между тем, услышав последнюю надбавку Таскинара, Уильям Кольдеруп призадумался, не решаясь снова вступить в борьбу. Таскинар же, напротив, рвался в бой и не хотел и минуты тратить на размышление.

— Миллион семьсот тысяч долларов! — повторил оценщик. — Продолжайте, господа. Ведь это суцая безделица.

Можно было предположить, что, следуя своей профессиональной привычке, он не преминет добавить:

— Вещь стоит гораздо дороже!

— Миллион семьсот тысяч! — орал Джинграс.

— Миллион восемьсот тысяч! — вдруг заявил Уильям Кольдеруп.

— Миллион девятьсот тысяч! — не унимался Таскинар.

— Два миллиона! — тут же не задумываясь крикнул Кольдеруп.

При этом лицо его немного побледнело, но всем своим видом он давал понять, что борьбу так легко не прекратит.

Таскинар был вне себя. Его огромное лицо напоминало красный железнодорожный диск, который служит для остановки поездов. Но, видимо, его соперник не считался с сигнализацией и продолжал раздувать пары. Таскинар это почувствовал. Кровь еще больше прилила к его апоплексическому лицу. Толстыми пальцами, унизанными бриллиантами, он теребил массивную золотую цепочку от часов. Глянув на своего противника, он на минуту закрыл глаза и снова открыл. Такой ненависти до сих пор не было в его взгляде.

— Два миллиона пятьсот тысяч! — изрек наконец толстяк, надеясь этим маневром устранить дальнейшую надбавку.

— Два миллиона семьсот тысяч, — спокойно заявил Уильям Кольдеруп.

— Два миллиона девятьсот тысяч!

— Три миллиона!

Да! Это было так! Уильям Кольдеруп из Сан-Франциско действительно назвал сумму в три миллиона долларов!

Его слова были встречены аплодисментами публики. Однако они сразу же смолкли, когда оценщик, повторив последнюю цифру, поднял молоток и, того и гляди, готов был его опустить. Даже Дин Фелпорг, искушенный аукционист, привыкший ко всяким неожиданностям, на этот раз не мог больше сдерживаться.

Взгляды всех собравшихся в аукционном зале обратились к Таскинару. Толстяк явно ощущал их тяжесть. Но еще больше тяготели над ним три миллиона долларов. Они буквально раздавили его.

Он, без сомнения, хотел говорить, прибавить цену, но не мог... Хотел пошевелить головой... Не тут-то было...

Наконец его голос совсем слабо, но достаточно внятно произнес:

— Три миллиона пятьсот тысяч!

— Четыре миллиона! — заявил Уильям Кольдеруп.

Был нанесен окончательный, ошеломляющий удар. Таскинар сдался. Молоток в последний раз глухо ударился о мраморный стол.

Остров Спенсер был присужден за четыре миллиона долларов Уильяму Кольдерупу из Сан-Франциско.

— Я отомщу! — злобно прошипел Таскинар.

И, бросив испепеляющий взгляд на противника, он зашагал по направлению к гостинице «Западная».

Тем временем, сопровождаемый криками «ура», Уильям Кольдеруп дошел до Монтгомери-стрит. Энтузиазм американцев был так велик, что они даже забыли пропеть «Янки Дудл»!³

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой беседа Фины Холланей с Годфри Морганом сопровождается игрой на фортепьяно

Итак, Уильям Кольдеруп возвратился в свой особняк на улице Монтгомери. Эта улица для Сан-Франциско все равно что Риджент-стрит для Лондона, Бродвей для Нью-Йорка, Итальянский бульвар для Парижа. Вдоль всей громадной артерии, пересекающей город параллельно набережной, кипит оживление: множество трамваев, кареты, запряженные мулами или лошадьми, деловые люди, спешащие по каменным тротуарам вдоль витрин бойко торгующих магазинов, а еще больше любителей хорошо провести время у дверей баров.

Трудно описать особняк этого набоба из Фриско. Миллионер окружил себя ненужной роскошью. Больше комфорта, чем вкуса. Меньше эстетического чутья, чем практичности. Ведь то и другое вместе не уживаются.

Пусть читатель узнает, что в особняке был великолепный салон для приемов, а в салоне стояло фортепьяно, звуки которого донеслись до Уильяма Кольдерупа, когда он переступил порог своего дома.

«Вот удача! — подумал он. — Они оба здесь. Дам только распоряжение кассиру и сразу к ним».

И Кольдеруп направился к своему кабинету, собираясь тут же завершить дело с покупкой острова Спенсер, чтобы больше к нему не возвращаться. Нужно было только реализовать несколько ценных бумаг и уплатить за покупку. Четыре строчки биржевому маклеру, и делу конец, после чего Уильям Кольдеруп сможет заняться другой операцией, не менее приятной, но совсем в ином жанре.

Действительно, молодые люди находились в салоне. Она сидела за фортепьяно, а он, полулежа на диване, рассеянно слушал мелодию, которую извлекали из инструмента ее пальцы.

— Ты слушаешь мою игру? — спросила она.

— Конечно, Финая!

— Да, но слышишь ли ты хоть что-нибудь?

— Как же, все слышу. Никогда еще ты так хорошо не играла этих вариаций из Auld Robin gray⁴.

— Но ведь это совсем не Auld Robin gray, Годфри. Это «Гретхен за прялкой» Шуберта.

— Так я и думал, — равнодушным голосом ответил Годфри.

Молодая девушка подняла обе руки и несколько мгновений держала их над клавишами, словно собираясь взять аккорд. Потом, повернувшись вполоборота, посмотрела на Годфри, который, казалось, избегал встречаться с ней взглядом.

Рано потеряв родителей, Фина Холланей воспитывалась в доме своего крестного, Уильяма Кольдерупа, который любил ее, как родную дочь.

Фине исполнилось шестнадцать лет. Это была миловидная блондинка с решительным характером, отражавшимся в кристальной голубизне ее глаз. У молодой девушки было доброе сердце, но не меньше практического ума, ограждавшего ее от грез и иллюзий, свойственных этому возрасту.

— Годфри? — произнесла она.

— Что, Фина?

— Где витают сейчас твои мысли?

— Как где? Возле тебя... Здесь...

— Нет, Годфри, мысли твои сейчас не здесь... Они далеко-далеко... За морями... Не правда ли?

Рука Фины невольно упала на клавиши. Прозвучало несколько минорных аккордов, грустный тон которых, видимо, не дошел до племянника Кольдерупа.

Сын родной сестры богача из Сан-Франциско, рано потерявший родителей, Годфри Морган, как и Фина Холланей, получил воспитание в доме своего дядюшки, слишком увлеченного делами, чтобы подумать о собственной семье.

Годфри было двадцать два года. К этому времени он успел получить образование, а теперь вел праздную жизнь. Хотя он и удостоился университетского диплома, но учение от этого не стал. Жизнь открывала перед ним большие возможности, широкую дорогу. Он мог следовать по ней направо, налево и в конце концов пришел бы туда, где ему улыбнулось бы счастье.

К тому же Годфри был хорошо сложен, воспитан, элегантен, никогда не носил колец или запонок с драгоценными камнями. Одним словом, не питал пристрастия к товарам ювелирных магазинов, до которых так падки его сограждане.

Никто не удивится, если я сообщу, что Годфри Морган должен был жениться на Фине Холланей. Да и как могло быть иначе? Все шло

к тому. Прежде всего этого хотел Уильям Кольдеруп. Он ничего так не желал, как сделать наследниками своего состояния двух молодых людей, к которым питал отеческие чувства, не говоря уже о том, что его воспитанник и воспитанница нежно любили друг друга. Помимо всего прочего, а может быть, с этого и нужно было начинать, предстоящее супружество имело прямое отношение к делам фирмы. С самого рождения Годфри на его имя был открыт один счет и на имя Фины — другой. Теперь оставалось только подытожить обе суммы и завести новый общий счет супругов. Почтенный коммерсант нисколько не сомневался, что это в конце концов произойдет и что итог будет подведен без пропусков и ошибок.

Однако в то время, когда начинается наш рассказ, сам Годфри еще не чувствовал себя подготовленным к браку. Впрочем, его мнения никто не спрашивал, и уж во всяком случае дядюшке было безразлично, что он думает.

Получив образование и проводя свои дни в праздности, Годфри преждевременно пресытился жизнью, дарившей ему все блага, каких только он мог пожелать. Ему захотелось повидать свет. Он вбил себе в голову, что изучил все науки, кроме путешествий. И действительно, из всех земель Старого и Нового Света он знал лишь одну географическую точку, Сан-Франциско, свой родной город, с которым расставался только во сне.

Да разве может уважающий себя молодой человек, особенно если он американец, не совершить двух или трех кругосветных путешествий? Как иначе испытать ему свои способности? Где еще встретятся ему приключения, в которых он проявит мужество и находчивость? Кроме того, преодолеть несколько тысяч лье, чтобы видеть, наблюдать, расширять свои знания, — разве это не полезное дополнение к хорошему образованию?

И вот произошло следующее. Примерно за год до начала нашего рассказа Годфри стал с увлечением читать многочисленные книги о путешествиях. Вместе с Марко Поло он открывал Китай, с Колумбом — Америку, с капитаном Куком — Тихий океан, с Дюмон-Дюрвилем — земли у Южного полюса. С тех пор Годфри загорелся желанием посетить все эти места, где побывали до него прославленные путешественники. Ради этих экспедиций он готов был пойти на любой риск: встретиться лицом к лицу с малайскими

пиратами, участвовать в морских сражениях, потерпеть кораблекрушение и высадиться на необитаемом острове, где он вел бы жизнь подобно Селькирку⁵ или Робинзону Крузо. Робинзон! Стать Робинзоном! Чье молодое воображение не воспламенялось этой мечтой при чтении романов Даниэля Дефо или Висса?⁶ В этом смысле Годффри ничем не отличался от своих сверстников.

И как раз в то время, когда он грезил о путешествиях, необитаемых островах и пиратах, дядюшка задумал связать его, как говорится, брачными узами. Путешествовать вместе с Финой после того, как она станет миссис Морган? Нет, это было бы безумием! Либо нужно отправиться в путь одному, либо вовсе отказаться от своих дерзновенных планов.

Годффри созреет для подписания брачного контракта не раньше, чем осуществит свои замыслы. Можно ли думать о семейном счастье, когда ты еще не побывал ни в Японии, ни в Китае, ни даже в Европе? Нет! Нет! И еще раз нет!

Вот почему был так рассеян Годффри, вот почему он с таким безразличием внимал словам песни, был так безучастен к игре, которую когда-то не уставал расхваливать.

Фина, девушка серьезная и сообразительная, быстро все заметила. Сказать, что это не доставило ей некоторой досады, смешанной с огорчением, значило бы незаслуженно ее оклеветать. Но, привыкнув искать во всем положительную сторону, она решила: если Годффри так необходимо путешествовать, то лучше пусть он поедит до женитьбы, чем после.

Вот почему она ответила молодому человеку так просто, но многозначительно:

— Нет, Годффри, мысли твои сейчас не здесь, не возле меня. Они далеко-далеко, за морями!

Годффри поднялся, не глядя на Фину, сделал несколько шагов по комнате и, подойдя к фортепьяно, машинально ударил по клавише указательным пальцем.

Раздалось ре-бемоль самой нижней октавы — печальная нота, вызвавшая его душевное состояние.

Фина все поняла и без долгих колебаний сначала решила вывести своего жениха на чистую воду, а уже потом помочь ему устремиться

туда, куда его влекла фантазия. Но в эту самую минуту дверь салона отворилась.

В комнату вошел, как всегда немного озабоченный, Уильям Кольдеруп. Покончив с одной операцией, он собирался приступить к другой.

— Итак, — изрек коммерсант, — остается лишь окончательно наметить день.

— День? — вздрогнув, спросил Годфри. — Какой день, дядюшка, вы имеете в виду?

— Ну, разумеется, день вашей свадьбы, — ответил Кольдеруп. — Надо полагать, что не моей.

— Пожалуй, это было бы более кстати, — заметила Fiна.

— Что ты хочешь этим сказать? — удивился Кольдеруп. — Итак, назначаем свадьбу на конец месяца. Решено?

— Но, дядя Виль... Сегодня нам предстоит наметить не день свадьбы, а день отъезда.

— Отъезда? Какого отъезда?

— Очень просто: дату отъезда Годфри, который, перед тем как жениться, хочет совершить небольшое путешествие.

— Значит, ты и в самом деле хочешь уехать? — воскликнул Уильям Кольдеруп, схватив племянника за руку, словно для того, чтобы тот от него не сбежал.

— Да, дядя Виль, — бодро ответил Годфри.

— И надолго?

— На восемнадцать месяцев или, самое большее, на два года, если...

— Если?..

— Если вы мне разрешите, а Fiна будет ждать моего возвращения.

— Ждать тебя! Нет, вы поглядите на этого жениха, который только и думает, как бы сбежать! — воскликнул Кольдеруп.

— Пусть Годфри поступает так, как хочет, — сказала девушка. — Дядя Виль! Ведь я на этот счет много передумала. Хоть годами я и моложе Годфри, но в знании жизни гораздо старше его. Путешествие поможет ему набраться жизненного опыта, и, мне кажется, не стоит его отговаривать. Хочет путешествовать — пусть едет. Ему самому захочется спокойной жизни, а я буду его ждать.

— Что?! — воскликнул Уильям Кольдеруп. — Ты соглашаешься дать свободу этому вертопраху?

— Да, на два года, которые он просит.

— И ты будешь его ждать?

— Если бы я была неспособна его ждать, это означало бы, что я его не люблю.

Произнеся эту фразу, Фина возвратилась к фортепьяно, и ее пальцы, сознательно или невольно, тихо заиграли очень модную в те времена мелодию «Отъезд нареченного». Хотя песня и была написана в мажорной тональности, Фина, сама того не замечая, исполнила ее в миноре.

Смущенный Годфри не мог вымолвить ни слова. Дядя взял его за подбородок и, повернув к свету, внимательно на него посмотрел. Он спрашивал его без слов, и слова для ответа тоже не понадобились.

А мелодия «Отъезд нареченного» становилась все печальнее.

Наконец Уильям Кольдеруп, пройдя взад и вперед по комнате, направился к Годфри, который походил на подсудимого, стоящего перед судьей.

— Это серьезно? — спросил он у племянника.

— Очень серьезно, — ответила за жениха Фина, не прерывая музыки, тогда как Годфри лишь утвердительно кивнул головой.

— All right! — произнес Кольдеруп, окинув племянника странным взглядом. Затем сквозь зубы добавил: — Значит, перед женитьбой ты хочешь попутешествовать? Будь по-твоему, племянник!

Сделав еще два-три шага, он остановился перед Годфри, скрестил руки и спросил:

— Итак, где бы ты хотел побывать?

— Повсюду, дядюшка.

— А когда ты собираешься в путь?

— Как вам будет угодно, дядя Виль.

— Ладно! Это произойдет очень скоро.

При этих словах Фина внезапно оборвала игру. Быть может, девушке немного взгрустнулось. Так или иначе, решение ее оставалось непоколебимым.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой читателю по всем правилам представляют Т. Артелетта, называемого Тартелеттом

Если бы Т. Артелетт был французом, соотечественники не преминули бы шутливо окрестить его Тартелеттом⁷, так как это имя ему очень подходит. Мы не колеблясь и будем впредь его так называть.

В своем «Путешествии из Парижа в Иерусалим» Шатобриан упоминает маленького человека, «напудренного и завитого, в зеленом костюме, дрогетовом жилете с муслиновыми⁸ манжетами и жабо, который пиликал на своей скрипке, заставляя плясать ирокезов⁹».

Калифорнийцы, ясное дело, не ирокезы, но Тартелетт был учителем танцев и изящных манер в Калифорнии. Хотя в уплату за уроки он и не получал, как его предшественник, бобровыми шкурами и медвежьими окороками, зато ему платили долларами. В любом случае он ничуть не меньше способствовал воспитанию своих учеников, чем тот француз, обучавший хорошим манерам ирокезов.

В ту пору, когда мы представили его читателю, Тартелетт был холост и говорил, что ему сорок пять лет. Но за десять лет до этого он чуть было не вступил в брак с одной перезрелой девицей.

Ради такого события его попросили в нескольких строках изложить свою биографию, что он и не преминул сделать. Эти данные помогут нам воспроизвести его портрет с двух точек зрения: моральной и физической.

Родился 17 июля 1835 года в три часа пятнадцать минут утра.

Рост — пять футов два дюйма три линии.

Объем выше бедер — два фута три дюйма.

Вес, увеличившийся за последний год на шесть фунтов, — сто пятьдесят один фунт две унции.

Форма головы — продолговатая.

Волосы — каштановые с проседью, редкие на макушке.

Лоб — высокий.

Лицо — овальное.

Цвет лица — здоровый.

Зрение — отличное.

Глаза — серо-карие.

Брови и ресницы — светло-каштановые.

Веки — запавшие.

Нос — средней величины, на краю левой ноздри выемка.

Щеки — впалые, без растительности.

Уши — большие, приплюснутые.

Рот — средний. Гнилых зубов нет.

Губы — тонкие, немного сжатые, обрамлены густыми усами и эспаньолкой.

Подбородок — круглый.

Шея — полная. На затылке родинка.

Когда купается, можно заметить, что тело белое, немного волосатое.

Жизнь ведет правильную, уравновешенную.

Не обладая крепким здоровьем, сумел его сохранить благодаря воздержанности.

Бронхи слабые. По этой причине лишен дурной привычки курить табак.

Не употребляет ни спиртных напитков, ни кофе, ни ликеров, ни виноградных вин.

Короче говоря, избегает всего, что может оказывать пагубное воздействие на нервную систему.

Легкое пиво, вода, подкрашенная вином, — вот единственные напитки, которые употребляет без всяких опасений. Благодаря своему благоразумию ни разу от рождения не обращался к врачу.

Жесты — оживленные, походка быстрая, характер открытый и искренний. Деликатен до крайности — до сих пор не решился соединить свою судьбу с женщиной из страха сделать ее несчастной.

Такова была характеристика, составленная самим Тартелеттом и, безусловно, заманчивая для девицы определенного возраста. Тем не менее брак этот не состоялся, учитель по-прежнему жил холостяком и продолжал давать уроки танцев и изящных манер.

В этом амплуа он и появился в доме Уильяма Кольдерупа, а с течением времени, когда ученики стали постепенно отсеиваться, остался приживальщиком в семье богача.

Несмотря на все странности, человек он был очень славный и все домочадцы к нему привязались. Он любил Годфри, любил Фину, и они отвечали ему взаимностью. Теперь у него в жизни было только одно

честолюбивое стремление: передать молодым людям все тонкости своего искусства, сделать их образцом хороших манер.

И вот представьте себе, что именно учителя танцев Тартелетта и выбрал Уильям Кольдеруп в спутники своему племяннику для предстоящего путешествия. Впрочем, у него были некоторые основания предполагать, что Тартелетт в какой-то мере способствовал желанию Годфри побродить по свету для полного завершения образования. Раз так, пусть едут оба! На следующий день, 16 мая, он вызвал учителя танцев к себе в кабинет.

Просьба набоба была для Тартелетта равносильна приказу. Учитель вышел из своей комнаты, на всякий случай прихватив с собой карманную скрипку, поднялся по широкой лестнице, правильно расставляя ноги, как и подобает учителю танцев, деликатно постучал в дверь и с приятной улыбкой на лице вошел в кабинет, склонившись и округлив локти.

Затем он встал в другую позицию, скрестив нижние части ног таким образом, что пятки касались друг друга, а носки смотрели в противоположные стороны.

Любой другой на месте учителя танцев Тартелетта не смог бы удержаться на ногах в таком неустойчивом положении, но он выполнил это с большим знанием дела.

— Мсье Тартелетт, — обратился к учителю Уильям Кольдеруп. — Я пригласил вас, чтобы сообщить одну новость. Надеюсь, она вас не поразит.

— К вашим услугам, — ответил Тартелетт.

— Свадьба моего племянника откладывается на год или полтора. Годфри решил сначала побывать в разных странах Старого и Нового Света.

— Мистер Кольдеруп, — ответил учитель, — мой ученик с честью будет представлять страну, в которой родился.

— А равно и наставника, который обучил его хорошим манерам, — добавил почтенный коммерсант. Но простодушный Тартелетт не усмотрел в его голосе никакой иронии.

Вслед за этим учитель танцев, убежденный, что он должен проделать все требуемые позиции, сначала отставил ногу вбок, будто собираясь кататься на коньках, затем, легко согнув колено, поклонился Уильяму Кольдерупу.

— Я подумал, — продолжал коммерсант, — что вам не слишком приятно будет расставаться со своим учеником.

— О, крайне неприятно, — сказал Тартелетт, — но если это нужно...

— Это совсем не нужно, — возразил Уильям Кольдеруп, нахмутив густые брови.

— Тогда как же? — удивился Тартелетт.

Слегка взволнованный, он отступил, чтобы перейти из третьей в четвертую позицию, потом расставил ноги, видимо, не сознавая, что делает.

— Вот так! — безапелляционно заявил коммерсант. — Мне пришло в голову, что будет действительно очень жестоко разлучить учителя и ученика, достигших такого взаимопонимания.

— Конечно, путешествия... — пробормотал Тартелетт, казалось, не желавший ничего понимать.

— Да, конечно... — подхватил Уильям Кольдеруп. — Во время путешествия раскроются таланты не только моего племянника, но и учителя, которому он обязан умением так хорошо себя держать.

Никогда этому большому ребенку и в голову не приходило, что в один прекрасный день ему придется покинуть Сан-Франциско, Калифорнию, даже Америку, чтобы отправиться бороздить моря. Этого никак не мог понять человек, больше занятый хореографией, чем путешествиями, и не выезжавший из города на расстояние свыше десяти миль. И вот теперь ему предлагали, нет, ему дали понять, что, хочет он или не хочет, он вынужден покинуть свою страну, чтобы испытать все трудности и неудобства переездов, которые он сам же рекомендовал своему ученику! Было от чего волноваться такому не слишком тренированному мозгу, каким обладал Тартелетт. Впервые за всю жизнь бедный учитель танцев почувствовал, как дрожат мускулы его искушенных тридцатипятилетними упражнениями ног.

— Может быть, — сказал он, пытаясь вызвать на губах шаблонную улыбку танцовщика, которая только на мгновение исчезла. — Может быть, я не гожусь для...

— Привыкнете! — ответил Кольдеруп тоном, не терпящим возражений.

Отказаться? Нет, это было невозможно. Тартелетт о таком даже не подумал. Кем он был в доме богача? Вещью, тюком, грузом,

который можно было отправить на все четыре стороны. Однако предстоящее путешествие его порядком взволновало.

— И когда же состоится отъезд? — спросил он, снова пытаясь стать в классическую позицию.

— Через месяц.

— А по какому бурному морю мистер Кольдеруп решил отправить нас с Годфри?

— Сначала по Тихому океану.

— А в какой точке земного шара должна ступить моя нога?

— В Новой Зеландии, — ответил коммерсант. — Я заметил, что новозеландцы не умеют толком округлять локти! Вы их подучите!

Вот при каких обстоятельствах учитель танцев Тартелетт был назначен в спутники Годфри Моргану.

Одного знака Кольдерупа учителю было достаточно, чтобы понять, что аудиенция окончена. Он удалился в таких растрепанных чувствах, что грация, обычно сопровождавшая его уход, на этот раз оставляла желать много лучшего.

И в самом деле, впервые за свою жизнь учитель танцев Тартелетт, забыв от волнения элементарные правила своего искусства, вышел из кабинета, не выворачивая ног.

ГЛАВА ПЯТАЯ, которая начинается со сборов к путешествию и кончается благополучным отбытием

Дальнейшие разговоры были бесполезны. Перед тем как начать вдвоем долгое путешествие по жизни, именуемое супружеством, Годфри должен был совершить путешествие вокруг света, что бывает иногда намного опаснее. Но наш герой рассчитывал на успех своего предприятия. Он вернется домой не зеленым юнцом, а зрелым мужем. Он многое сможет повидать, будет наблюдать и сравнивать, удовлетворит свое любопытство, а потом со спокойной совестью станет наслаждаться семейным счастьем. И тогда уже никакие искушения не заставят Годфри покинуть свой дом, отказаться от оседлой, размеренной жизни.

Правильно он рассуждал или нет? Окажется ли предстоящий урок для него полезным? Это покажет будущее.

Годфри сиял от радости, а Фиона, не выдавая своей тревоги, смирилась с грядущим испытанием.

Учитель танцев Тартелетт, всегда так твердо стоявший на ногах, такой искушенный во всех поворотах и позициях, на этот раз утратил свою обычную уверенность и тщетно пытался вновь ее обрести. Он качался даже на паркетном полу в своей комнате, словно в каюте корабля во время бортовой или килевой качки.

Что касается Уильяма Кольдерупа, то, приняв решение, невозмутимый коммерсант стал еще менее общительным, особенно с племянником. По его сжатым губам и полузакрытым глазам можно было определить, что в его практичную голову, в которой обычно роились сложнейшие финансовые комбинации, засела навязчивая мысль.

— Итак, тебе захотелось путешествовать, — бормотал он сквозь зубы, — путешествовать, вместо того чтобы жениться и сидеть дома. Что ж! Ты попутешествуешь!

Вскоре начались приготовления.

Прежде всего следовало обсудить и взвесить все вопросы, связанные с выбором маршрута. В какую сторону отправится Годфри — на юг, восток или запад? Это предстояло решить в первую очередь.

Если бы он сначала отправился на юг, то пароходные компании «Панама — Калифорния — Британская Колумбия», а затем «Саутгемптон — Рио-де-Жанейро» помогли бы ему добраться до Европы.

Если бы он взял курс на восток, то мог бы достичь берегов Старого Света, воспользовавшись сначала Трансконтинентальной тихоокеанской железной дорогой, которая доставила бы его до Нью-Йорка, а потом — любым пакетботом американской или французской трансатлантической судоходной компании.

Если бы ему вздумалось сначала ехать на запад, то, прибегнув к услугам трансокеанской пароходной компании «Золотой век», он легко попал бы в Мельбурн, а оттуда на каком-нибудь судне, принадлежащем «Восточной пароходной линии», добрался бы до Суэца. Благодаря математически точной координации расписаний пароходов и поездов путешествие вокруг света превращалось в обычную туристическую поездку. Но совсем не так предстояло путешествовать племяннику набоба из Фриско!

Для своих коммерческих операций Уильям Кольдеруп располагал целой флотилией паровых и парусных судов. Почему бы миллионеру не предоставить одно из них в распоряжение Годфри Моргана, как если бы он был принцем крови и путешествовал ради собственного удовольствия на средства подданных своего отца?

Сказано — сделано.

По приказанию Кольдерупа стали снаряжать «Дрим»¹⁰ — солидный пароход водоизмещением шестьсот тонн, с двигателем в двести лошадиных сил, под командованием капитана Тюркота, испытанного морского волка, избородившего все океаны под всеми широтами.

Отважный моряк, привыкший к торнадо, тифонам и циклонам¹¹, он из пятидесяти лет своей жизни сорок отдал навигации. Лечь в дрейф во время шторма и смело идти навстречу урагану этому храбрецу было легче, чем выдерживать «земную болезнь» в редкие недели отпуска. От вечного потряхивания на капитанском мостике он приобрел привычку постоянно раскачиваться вправо и влево, вперед и назад — это был своего рода «качечный» тик.

Помощник капитана, механик, четыре кочегара и двенадцать матросов вместе с боцманом — вот восемнадцать человек, составлявших экипаж «Дрима», который при спокойном ходе, то есть не более восьми миль в час, мог сойти за образцовое судно. А то, что он был не в состоянии развивать достаточную скорость во время бури, — это сущая правда. Но зато его не заливала волна —

несомненное преимущество, компенсирующее тихходность, особенно в том случае, когда некуда спешить. К тому же «Дрим» был оснащен, как шхуна, и при благоприятном ветре пятьсот квадратных ярдов парусов всегда могли облегчить работу паровой машины.

Однако не подумайте, что плавание на «Дримере» должно было стать только увеселительной прогулкой. Уильям Кольдеруп был человек достаточно практичный, чтобы не воспользоваться для своих дел переездом в пятьдесят — шестьдесят тысяч миль по всем морям земного шара. Правда, отчалить от гавани предстояло без груза, но устойчивость легко было сохранить, наполнив водобалластные отсеки, что позволило бы в случае необходимости погрузиться ниже ватерлинии, хотя бы до самой палубы. Погрузка должна была производиться в промежуточных портах, где находились торговые конторы богатого негодяя. В этом не было ничего необычного: капитану Тюркоту и не придется понапрасну гонять судно! Фантазия Годфри Моргана не уменьшит ни на один доллар дядюшкину кассу! Вот как совершаются сделки в хороших торговых домах!

Все подробности были обговорены на долгих и секретных совещаниях между Кольдерупом и капитаном Тюркотом. Но, как видно, несложное на первый взгляд дело оказалось не таким уж легким, если капитану пришлось несколько раз наведываться в кабинет коммерсанта. Когда он оттуда выходил, наиболее прозорливые из домочадцев Уильяма Кольдерупа могли бы заметить, что вид у него был довольно странный: взъерошенные, растрепанные волосы словно вздымались ветром, туловище еще больше, чем обычно, раскачивалось во все стороны. Во время этих переговоров из кабинета иногда долетали раскаты громких голосов, из чего можно было заключить, что беседы носили далеко не миролюбивый характер. Капитан Тюркот, человек по природе прямой, никогда не гнул спину перед Уильямом Кольдерупом. А богач настолько любил и ценил капитана, что даже позволял ему себе противоречить.

Наконец как будто все уладилось. Кто же уступил — Уильям Кольдеруп или Тюркот? Трудно было решить, не зная предмета споров. Но вряд ли это был капитан.

Так или иначе, после восьмидневных переговоров коммерсант и моряк, видимо, все же пришли к соглашению, несмотря на то, что Тюркот продолжал недовольно ворчать:

— Пусть меня унесут пятьсот тысяч чертей, если я когда-нибудь ожидал такой работы!

Между тем снаряжение «Дрима» быстро продвигалось вперед, и капитан прилагал все усилия к тому, чтобы в первой половине июня судно могло выйти в море. Все было сделано наилучшим образом: подводная часть выкрашена суриком и резко отличалась коричневатокрасным цветом от черной верхней части корпуса.

В порт Сан-Франциско заходит множество судов под разными флагами. Городская гавань, раскинувшаяся вдоль побережья, давно уже стала бы помехой для погрузки и выгрузки товаров, если бы инженерам не удалось возвести искусственные сооружения. В воду вбили прочные сваи из красной ели, а сверху положили дощатый настил, образующий широкую платформу в несколько квадратных миль. И хотя она заняла бóльшую часть бухты, места еще оставалось достаточно. На стапелях для разгрузки громоздились подъемные краны и множество тюков с товарами. К стапелям в образцовом порядке, не задевая друг друга, причаливали одно за другим океанские суда и речные пароходы, клиперы из всех стран и американские рыбацьи баркасы.

У одной из таких искусственных пристаней, в конце Уорф-Мишн-стрит, снаряжался по всем правилам «Дрим», уже прошедший в особом доке килевание¹².

Короче говоря, было сделано все, чтобы приготовленный для Годфри пароход мог пуститься в долгий путь: провиант и нужные припасы были вовремя заготовлены, к оснастке не придрался бы лучший из знатоков, котел был тщательно проверен, машина и винты блестели как новенькие. Для надобности экипажа и большей легкости сообщения с землей на палубу «Дрима» была установлена быстроходная и устойчивая паровая шлюпка, необходимая во время плавания.

К 10 июня все было готово. Оставалось лишь выйти в море.

Люди, поставленные капитаном Тюркотом для наблюдения за машиной и парусами, были специалистами своего дела, и лучших найти было трудно. На нижней палубе в загонах поместили скот и птицу: агути¹³, баранов, коз, петухов и кур. Кроме того, заготовили изрядное количество ящиков с отборнейшими консервами.

Что касается маршрута «Дрима», то он, вероятно, и вызвал разногласия Уильяма Кольдерупа и капитана Тюркота. Пока было лишь известно, что первую остановку решили сделать в Окленде, столице Новой Зеландии, если только потребность в угле или встречные ветры не заставят до этого посетить какой-нибудь из тихоокеанских архипелагов или какой-нибудь китайский порт.

Впрочем, все эти подробности не имели для Годфри никакого значения с того момента, как он узнал, что путешествие состоится, и еще меньше интересовали Тартелетта, чье больное воображение с каждым днем все больше увеличивало предстоящие опасности.

Нужно было выполнить еще одну формальность: сняться у фотографа.

Какой жених позволит себе отправиться в кругосветное путешествие, не взяв с собой портрета своей невесты и не оставив ей своего?

Поэтому Годфри в костюме туриста предстал перед Стефенсоном, фотографом с Монтгомери-стрит. Его сопровождала Фина в строгом костюме для прогулок, доверившая объективу запечатлеть черты своего миловидного, слегка опечаленного лица.

Обмен фотографиями был иллюзорным способом не разлучаться во время долгой разлуки. Портрет Фины должен был стоять в каюте Годфри, а портрет Годфри — в комнате его невесты.

Несмотря на то что Тартелетт не был женихом и быть им никогда не собирался, решили и его черты запечатлеть на сверхчувствительной бумаге. Но при всем своем таланте фотограф не мог получить удовлетворительного снимка. На фотографии проступал какой-то смутный туман, в котором невозможно было узнать учителя танцев и изящных манер. А происходило это оттого, что во время съемки Тартелетт, не слушаясь указаний ассистентов знаменитого фотографа, не переставал ерзать. Попытались испробовать другой, более прогрессивный метод — моментальную съемку. Бесполезно! Тартелетт заранее начинал раскачиваться, совсем как капитан «Дрима».

Пришлось отказаться от мысли увековечить черты этого замечательного человека — непоправимая потеря для будущих поколений, если (мы, конечно, далеки от этой мысли) Тартелетт вместо того чтобы попасть, как он предполагал, в Старый Свет, отправится на тот свет, откуда уже нет возврата.

Итак, приготовления закончились, оставалось лишь сняться с якоря. Все нужные бумаги, записи о владении кораблем, страховой полис — все было в полном порядке. Еще за два дня до этого поверенный торгового дома Уильяма Кольдерупа прислал последние подписи.

Утром 9 июня в особняке на Монтгомери-стрит был дан прощальный завтрак. Пили за счастливое путешествие Годфри и за его скорое возвращение.

Молодой человек был очень взволнован и даже не старался этого скрыть. Фина держалась гораздо спокойнее. Что касается Тартелетта, то он потопил свои волнения в нескольких стаканах шампанского, действие которого сказывалось на нем до самого отъезда. Он даже забыл захватить с собой карманную скрипку, и ему принесли ее в ту минуту, когда на «Дриме» уже были отданы концы.

Последние рукопожатия. Последние прощальные возгласы. Несколько оборотов винта, и пароход стал медленно отчаливать.

— Прощай, Фина!

— Прощай, Годфри!

— Счастливого пути! — крикнул Уильям Кольдеруп.

— А еще важнее — благополучного возвращения! — крикнул в ответ учитель танцев и изящных манер.

— Смотри, Годфри, — добавил Кольдеруп, — никогда не забывай девиза, начертанного на корме «Дрима»: *Confide recte agens!*¹⁴

— Никогда не забуду, дядя Виль! Прощай, Фина!

— Прощай, Годфри!

Пароход отошел. С борта и с пристани махали платками до тех пор, пока с той и другой стороны можно было хоть что-нибудь разглядеть.

Вскоре «Дрим» оставил позади бухту Сан-Франциско, едва ли не самую большую в мире, затем миновал узкий канал Golden Gate¹⁵ и наконец очутился в водах Тихого океана, будто и в самом деле ворота за ним только что закрылись.

ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой читателю придется познакомиться с новым персонажем

Путешествие благополучно началось. Впрочем, читатели охотно согласятся, что отчалить от гавани куда легче, чем возвратиться.

Учитель танцев Тартелетт любил часто повторять со свойственной ему неоспоримой логикой:

— Путешествие всегда имеет свое начало. Важнее, где и когда оно кончится.

Дверь от каюты Годфри выходила на полуют, расположенный в кормовой части «Дрима» и служивший столовой. Наш юный герой устроился со всевозможным комфортом. Портрету Фины было предоставлено место на самой светлой стене. Койка, умывальник, несколько шкафчиков для одежды и белья, рабочий стол, удобное кресло — что еще нужно путешественнику двадцати двух лет?

В таких условиях можно и двадцать два раза объехать вокруг света! Не обладал ли Годфри тем возрастом, здоровьем и хорошим настроением, которые дают человеку наилучшую практическую философию?

Ах, молодые люди, молодые люди! Путешествуйте, если можете, а если не можете... все равно путешествуйте!

А вот Тартелетту было совсем невесело. Его каюта, находившаяся рядом с каютой Годфри, казалась ему слишком узкой, койка — невыносимо жесткой, а свободное пространство в шесть ярдов явно недостаточным, чтобы проделывать там всевозможные па.

Мог ли турист хоть на время подавить в нем призвание учителя танцев и хороших манер? Нет! Оно было у него в крови, и, вероятно, даже в предсмертный час его ноги будут находиться в первой танцевальной позиции: пятки вместе, носки врозь.

Трапезы решили проводить сообща. Годфри и Тартелетт получили места друг против друга, а капитан и его помощник — на противоположных концах «качечного стола», или «стола боковой качки», как его называли. Это ужасное наименование не вызывало сомнений, что место учителя танцев часто будет пустовать.

В день отъезда, 9 июня, погода стояла прекрасная. Дул легкий северо-восточный бриз. Чтобы прибавить скорость, капитан Тюркот приказал поднять паруса, после чего «Дрим» перестал раскачиваться

с боку на бок. А поскольку волна набегала теперь сзади, меньше беспокоила и килевая качка. Лица пассажиров не изменили своего выражения: не было ни зажатых носов, ни запавших глаз, ни посиневших губ, ни бледных щек. Плавание проходило пока вполне сносно. Пароход шел в юго-западном направлении, по спокойному, с редкими барашками, морю, и американский берег скоро исчез за горизонтом.

В течение двух следующих дней ничего значительного не произошло. «Дрим» по-прежнему шел полным ходом.

Начало путешествия было благоприятным, хотя капитан Тюркот иногда проявлял беспокойство, не укрывшееся от его пассажиров. Каждый день, как только солнце переходило через меридиан, он с необыкновенной пунктуальностью определял местонахождение корабля. Затем он запирался со своим помощником в каюте, и там они долго что-то обсуждали, словно могло произойти какое-нибудь важное событие. Правда, секретные совещания ускользнули от внимания Годфри, неискушенного в делах навигации, но у некоторых матросов вызывали недоумение.

Недоумение было тем бóльшим, что по ночам, два или три раза в течение первой недели плавания, «Дрим» без видимой причины менял курс. То, что было бы естественным для парусного судна, зависящего от атмосферных явлений, было непонятно и неестественно для парохода, который мог всегда идти по намеченному курсу, снимая паруса при неблагоприятном ветре.

Утром 12 июня на борту произошел неожиданный инцидент.

В ту минуту, когда капитан Тюркот, его помощник и Годфри как раз собирались приступить к завтраку, на палубе послышался странный шум и на пороге столовой показался боцман.

— Капитан! — обратился он к Тюркоту.

— Что случилось? — встревоженно спросил Тюркот.

— На борту оказался китаец, — ответил боцман.

— Китаец?

— Да. Самый настоящий. Мы только что обнаружили его на дне трюма.

— Тысяча чертей! — вскричал Тюркот. — Бросить его в море!

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ